

И. Крянгэ

Румынские сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.102
И11

И11 **И. Крянгэ**
Румынские сказки / И. Крянгэ – М.: Книга по Требованию, 2024. – 170 с.

ISBN 978-5-458-28918-4

Красочно иллюстрированная цветными картинками книга, включающая в себя румынские народные сказки и сказки румынских писателей. В сборник включены волшебные и бытовые народные сказки, а также авторские: Ион Крянгэ "Сказка про Белого Арапа", "Данилэ Перепеляк", "Сказка о поросенке" и "Сказка про Стана-виды видавшего", Михай Эминеску "Фэт-Фрумос - дитя слезинки" и Барбу Делавранча "Негиницэ".

ISBN 978-5-458-28918-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Опечалился Свинцовой Богатырь услышав такие слова, но виду не подал, а сам всё сделал — коней расседлал, стреножил их и пустил пастьись. Потом уселся тоже поесть.

Пока они ели и пили он всё печалился и в уме прикидывал как ему с братьями быть. Ведь если он их обратит в головешки, а сам погибнет из-за двадцатичетырёхголового змея, что примчаться сюда должен, то бедолаги на веки-вечные головешками и останутся. «Лучше, — подумал он, — обращу я их в два ключа-родника чистой воды. Всякий, кто здесь пройдёт, воды попьёт и мне спасибо скажет за доброе дело».

Задумано-сделано. Тотчас же обратились старшие братья в два чистых ключа-родника, один слева, другой справа от дороги. Вода в них прозрачная, блестит и переливается камнями-самоцветами, струйки перешептываются с цветами, что на берегу растут.

А Свинцовый Богатырь тем временем под мост склонился. Когда полдень наступил, вдруг такой гром и грохот раздался, будто конец света близится. Это змей поганый к мосту мчался.

Не успел богатырь оглянуться, как двадцатичетырёхголовый змей тут как тут, на золотом коне, который так топал и ржал, что небеса содрогались, ходуном ходили.

Поравнялось чудище с мостом, а Свинцовый Богатырь хват коня за ногу и, на всём скаку остановил, будто пригвоздил. Конь золотой споткнулся, вскинулся и зашвырнул змeya в высь поднебесную, а когда тот обратно упал, своими подковами его поддержал. Но змей тотчас же оправился, через голову перекинулся, вскочил на коня и заорал:

Смирно стой, златой мой конь,
Иль швырну тебя в огонь!

Я-то никого на свете не боюсь, одного лишь Свинцового Богатыря, да и его нешибко-то опасаюсь, потому как знаю, что он сюда не может появиться, еле успел на свет белый народиться.

Свинцовый Богатырь вышел из-под моста и крикнул:

— А я здесь, ворюга-змей! Говори быстро, как ты хочешь со мною биться — на мечах острых рубиться или врукопашную схватиться?

— Пожалуй, врукопашную схватиться, так оно честнее будет, — ответил змей.

И закипел между ними бой не на жизнь, а на смерть, никак ни один верх взять не может.

Змей от бешенства пеной исходит, по всякому старается, а с богатырём не в силах сладить.

— Слыши, Свинцовый Богатырь, сдаётся мне, что надобно нам иначе бороться. Я обращусь в колесо стальное, а ты — в колесо свинцовое, взберёмся на вершины двух соседних гор, вниз ринемся и сшибёмся. Какое колесо разобьётся, тому и смерть принимать.

— Ладно, будь по-твоему! — согласился Свинцовый Богатырь.

Вкатилось стальное колесо на вершину одной горы, свинцовое — на вторую вершину и друг на дружку что есть силы ринулись. Как помчались они, из стального колеса искры и осколки посыпались по камням и скалам, а свинцовое только чуть погнулось кое-где. Когда к подножью долетели и сшиблись, от стального колеса мало что осталось, один только обод держался, а свинцовое целёхонькое стоит, лишь малость помялось.

Не пришлось змею это по душе, решил он попытать счастья иначе.

— Слыши, Свинцовый Богатырь, вот что я сейчас надумал: я обращусь в красный язык пламени, а ты — в синий, взлетим мы в высь поднебесную и там поборемся.

— Ладно, будь по-твоему! — согласился Свинцовый Богатырь.

Превратились они тотчас же в два огромных языка пламени — один красный, другой синий, взвились в высь поднебесную, всю землю озарили и битву начали. Долго боролись они там не на жизнь, а на смерть, как вдруг закружились над ними три ворона, кружатся и каркают.

Почуял змей, что не к добру это, но всё-таки собрался с духом и крикнул воронам:

— Чего вам здесь надобно, подлые вороны? Неужто плоть мою съесть, или кровь мою выпить?

Лучше бы вам вниз спуститься, водицы в клюве и на крыльях принести, сюда подняться и синее пламя залить. Коли сделаете так, я вам дам мяса на целых три месяца.

Свинцовый Богатырь тоже не растерялся и попросил воронов:

— Лучше бы вы, вороны-удальцы, залили водой красное пламя! А я так угощу вас мясом, что целых три года сыты будете!

Обрадовались вороны, принесли воды и выплеснули на красное пламя. Сникло оно и синий огонь налетел и стал гнать его до самой земли. А уж там Свинцовый Богатырь перекинулся три раза

через голову, снова обратился в человека, выхватил меч, вмиг отсёк все двадцать четыре головы змеевы и тут же отдал их воронам как посулил. Прилёг он затем отдохнуть, а то очень устал после таких жестоких боёв. Отдохнул как следует, встал на ноги и прошептал заклинания заветные, после чего его братья снова человеческий облик приняли.

Сейчас владел Свинцовый Богатырь двумя конями — серебряным и золотым, а каждый из братьев — двумя медными. Поехали они дальше, путь перед ними не близкий — целых три месяца скакали. Миновали они густой лес, выбрались на пригожую поляну и увидели, что вдали красуется высокий терем, драгоценными каменьями усыпанный, так что сверкал он на солнышке чистым золотом.

Поляна была вся покрыта мягкой зелёной травой, которая так и манила к отдыху. Братья спешились и привал устроили.

Свинцовый Богатырь наказал братьям ждать его здесь, на месте, пока он не проведает, что это за терем. А вдруг там скрываются злодеи какие, которые их всех погубят? Согласились братья, а он пошёл к терему, но зайти внутрь сперва не смог, потому что вокруг стояла железная стена, да такая высоченная, что только птице впору перелететь. Была эта стена вся выкована из одного куска железа, и следа ворот на ней не было.

Терем принадлежал тем трём змеям, которых одолел и убил Свинцовый Богатырь.

Стал богатырь прикидывать как ему быть, что сделать, чтобы внутрь пробраться, пока не вспомнил совет деда Отшельника. Перекинулся он три раза через голову, обратился в белоснежного голубя, взвился высоко в воздух и перелетел в сад золотого терема. А там в саду сидели и любовались цветами старая змеюка — мать трёх змеев и их жёны.

Голубь стал по саду порхать, то на яблоню усядется, то на грушу, то на куст цветущий, вокруг змеек вьётся, чуть ли на плечи им не садится.

Жена среднего змея увидела, что голубь такой смирный, протянула руку и поймала его. Отнесла в дом, посадила в клетку, накормила и напоила. Клетку поставила на окошко выходящее в сад, а дверцу не закрыла. Подумала, что голубь, ласковый и кроткий, никуда от них не улетит.

Потом жёны змеевы рядышком уселись и стали болтать о всякой всячине. Вот старая змеюка и спросила старшую сноху:

— Ежели бы мужа твоего кто убил, что бы ты с убийцей сделала?

— Вестимо что — на месте бы извела.

— А как бы ты его извела? — продолжала расспрашивать старуха.

— Обратилась бы я колодцем с ключевой водой и стала бы на его пути, затем наслала бы на него жажду лютую, а как только бы он воды из колодца испил, то враз бы отравился и умер.

Задала старая змеюка тот же вопрос средней снохе. Та сказала, что обратилась бы в чудесную поляну, всю в благоухающих цветах, наслала бы на убийцу сон тяжёлый, а как он на ту поляну ляжет, то уж никогда не встанет.

То же самое спросила мать и младшую сноху.

Та ответила, что превратилась бы в раскидистое дерево, увшанное золотистыми грушами, наслала бы на погубителя охоту смертную до груш, так что не удержится он, когда мимо пройдёт, а как только поест, тут же и умрёт.

А голубь, казалось, крепко спит в тени густой листвы, сквозь которую с трудом пробивались солнечные лучи. Но он только прикидывался спящим, ведь хорошо известно, что не всегда тот спит у кого глаз закрыт.

Чуть спустя пошли змеюки обедать. Вдруг самая младшая увидела, что в балке горницы иголка торчит Удивилась она и спросила, что это за иголка и почему её туда воткнули.

— Это иголка не простая, — ответила старуха. — Ежели бы кто-нибудь её тайну узнал, то мог бы взять иголку и уколоть ею все двенадцать дверей от двенадцати погребов, что под нашими теремами. Двери враз бы и распахнулись, а в самом глубоком погребе нашёл бы он огромную бочку, скреплённую двенадцатью железными обручами. В той бочке спрятаны солнце, луна и звёзды Багрян-царя.

Голубю только это и надо было узнать.

Как только змеюки снова в сад ушли, вылетел он из клетки, схватил иглу и спрятался подальше. А вечером, после того, как солнце закатилось, уколол он иглой все двенадцать дверей от двенадцати погребов забрал солнце, луну и звёзды и украдкой улетел к своим братьям. Застал он их спящими и тотчас же разбудил. Не теряя времени пустились они вскачь обратный путь. Мчались они не

переводя духа всю ночь и больше половины следующего дня.

В это самое время старшая сноха узнала, что Свинцовский Богатырь погубил её мужа и решила жестоко ему отомстить.

Братья как раз проезжали засушливый край, нигде ни речки, ни ключа, ни за какую цену ни капли воды не добьёшь, а жара пала страшная. Едут они от жажды мучаются, как вдруг на пути колодец с водой светлой и прозрачной как слезинка. Увидел средний брат колодец и сказал:

— Напьёмся здесь вволю, а то из-за жажды не сможем дальше ехать.

Но Свинцовский Богатырь не позволил им напиться, а вынул меч и ударил крест-накрест по воде. Тотчас же колодец высох, одни сухие камни от него остались, даже смотреть жалко.

Помчались братья вперёд и выехали на чудесный луг, травой заросший и всеми цветами земными украшенный. И такая сонная оторопь на них напала, что только об одном и думали — лечь и уснуть. Но Свинцовский Богатырь не позволил братьям лечь, хотя цветы наперегонки их манили, чуть ли не за руки хватали. Вытащил он меч, рубанул тот луг крест-накрест и в мгновение ока всё там в сухие камни обратилось.

Дальше братья путь держат, коней погоняют, ветром мчатся, быстрой мыслью летят. Доскакали они до чудесного дерева, с густой зелёной листвой, увешанное золотыми грушами, которые блестели как росинки в лучах утреннего солнца.

Увидели старшие братья дерево это и говорят:

— Воды ты нам не позволил напиться, на цветочном лугу не дал нам высаться, разреши хотя бы отведать этих сочных груш.

Но Свинцовский Богатырь ни слова не ответил, а снова схватил меч, шагнул к груше и ударил её у корня крест-накрест. Та сразу же сгинула, будто бы не было её здесь и в помине.

Только сейчас рассказал он братьям, что им было уготовано, если бы они выпили ключевой воды из колодца, улеглись спать на лугу, или отvedали бы золотистых груш — тотчас бы умерли.

А старая скорпия почуяла, что Свинцовский Богатырь сперва её сыновей убил, а теперь и всех трёх снох жизни лишил. Разозлилась она так, что света белого не взвидела, загорелась жаждой мести и бросилась вдогонку за братьями, одной ногой в землю упирается, другой через тучи перешагивает, вот-вот настигнет их и убьёт. Так и мчится она, огнём полыхает, всё живое на своём пути сжигает.

Но Свинцовский Богатырь, перед тем как уйти из змеева терема, захватил с собой щётку, точильный бруск и ту самую иглу, которая открыла ему двенадцать дверей от двенадцати погребов, откуда он вызволил солнце, луну и звёзды.

А старая ведьма всё пуще мчится, вот-вот их настигнет. Чувствуют уже братья как пышет она жаром-огнём за их спиной.

Увидел Свинцовский Богатырь, что опасность совсем близка и бросил позади себя щётку. Сразу же вырос за ними лес, да такой высокий и густой, что скорпия никак не могла с одного маху через него перебраться. Пришлось ей деревья грызть, чтобы дорогу себе пробить. А пока она деревья да кусты грызла, братья дальше умчались.

Но вот старая ведьма стала снова их настигать. Бросил Свинцовский Богатырь позади себя точильный бруск и тотчас же выросла за ними каменная гора от земли до самых небес.

Опять пришлось злой хрычковке зубы в ход пускать, но на этот раз надо было ей камень грызть, чтобы дырку проточить, на другую сторону перебраться и дальше за братьями гнаться. Всё-таки справилась она и прорвалась сквозь каменную гору. Снова ведьма вихрем вперёд помчалась, того гляди настигнет и проглотит беглецов. Так бы и случилось, не будь у Свинцового Богатыря железной иглы. Бросил он её позади себя и обратилась она в железную стену толщиной в девяносто девять саженей, а высотой от самого неба до тёмной глыбы земной. Бросил он иглу и говорит братьям:

— Ну, сейчас надо нам гнать коней, что есть силы, больше защиты у нас нет.

Скачут они дальше во весь опор, из последних сил коней погоняют, а ведьма снова их догоняет. Их счастье, что в самый последний миг, когда осталось ведьме всего ещё один шаг сделать, чтобы проглотить братьев, домчались они до замка деда Отшельника и влетели во двор. Дед Отшельник тут же захлопнул ворота, а старая змеюка осталась снаружи, бесясь и лопаясь от злости, потому что эти ворота прогрызть не в силах была.

Чуть спустя понадеялась она хитростью своего добиться и стала упрашивать деда Отшельника просверлить в воротах дырочку, чтобы она хоть одним глазом могла увидать тех богатырей, которые сумели убить её сыновей и снох.

Выполнил дед Отшельник её просьбу, и тогда попросила она сделать дыру побольше, — хочет,

мол, поглядеть на витязей во все глаза.

Рассмотрела их как следует и теперь уж потребовала, чтобы её во двор впустили — богатырей проглотить разрешили.

На это дед Отшельник согласия не дал, а приказал ей разинуть рот у самой стенки, — он зашвырнёт туда братьев-богатырей и змеюка их сразу проглотит.

Послушалась она и разинула пасть, а Отшельник взял палицу Свинцового Богатыря, которая в огне раскалялась с тех самых пор, как братья здесь впервые побывали и швырнули её прямо в пасть старой скорпии. Она тут же сгорела, в прах и пепел обратилась.

Свинцовый Богатырь решил ещё остаться погостить У деда Отшельника и потому отправил вперёд своих братьев старших с медными конями, чтобы они отвезли Багрян-царю солнце, луну и звёзды. Заодно наказал он им беречь медных коней как зеницу ока, а родителей, которые, наверно, уж совсем состарились, не забывать и всячески ублажать.

Наказы-то правильные, но никакого от них проку не было, потому что братья, чуть только домой прискакали, сразу же поженились на дочерях Багрян-царя и сами стали царями, да так зазнались и загордились, будто всю свою жизнь в царских хоромах жили и там выросли. О стариках-родителях и знать не хотели, а медных коней завели в какую-то тёмную конюшню, и бросили там без заботы и присмотра.

Свинцовый Богатырь, который всё ещё гостили у деда Отшельника, как-то раз спросил того — есть ли на свете человек сильнее его, Свинцового Богатыря.

— Сохрани тебя бог встретить на своём пути Железного Богатыря, пропала бы твоя головушка!

— А в каких краях он живёт? — продолжал расспрашивать Свинцовый Богатырь. — Пойду-ка я к нему и побратаюсь с ним, а уж тогда на всём белом свете никого сильнее нас не будет.

— Во-он там, в той стороне, откуда солнце восходит. Коли и впрямь хочешь, то я тебя научу, как попасть к нему.

Была у деда Отшельника кобыла сорока четырёх лет от роду, вот он на неё сбрую надел, велел Свинцовому Богатырю сесть верхом и отправил в путь. Наказал он добру-молодцу, не мешать кобыле идти куда ей захочется, она своё дело знает — доставит его прямёхонько куда надобно.

Пустился молодец в путь-дорогу, а когда доехал и увидел Железного Богатыря, то с ходу напрямик и выпалил, как считал, что приличествует отважному витязю:

— Эй, Железный Богатырь, доброе утро! Я пришёл сюда, чтобы спросить тебя хочешь ли ты со мною побрататься? Ежели дашь на это согласие, то никого сильнее нас не будет на всём белом свете!

Разгневался Железный Богатырь, когда услышал, что простой человек говорит с ним столь непочтительно, выхватил меч и в один миг изрубил на мелкие кусочки пришельца. Кликнул он затем своих слуг и приказал собрать все кусочки и сложить в две перемётные сумы. Приладил он эти сумы кобыле на спину, ткнул её рукоятью меча и прогнал.

А дед Отшельник заранее знал, что всё именно так и случится, но ничего Свинцовому Богатырю не сказал.

Кобыла затрусила себе потихоньку обратно, да так и не остановилась до самого дедова замка. Там она заржала три раза. Отшельник ворота отворил, её во двор пустил, от тяжёлой ноши освободил. Потом вынул из перемётных сум останки зарубленного богатыря, бережно уложил их в большой ящик — косточка к косточке, суставчик к суставчику, жилочка к жилочке, — смазал мазью целебной, прошептал наговор волшебный и сразу же срослось тело богатырское, да ещё краше чем раньше стало, только бездыханное лежало. Дед обмыл белое тело живою водою, и Свинцовый Богатырь сразу же на ноги встал но, не понимая, что с ним случилось, сказал:

— Крепко же я спал!

Но даже сейчас не отступил он, а решил снова пойти к Железному Богатырю. Только на этот раз попросил он у деда Отшельника совета, как себя вести и что говорить.

Не отказался дед, надоумил его, что делать надо.

Снова добрался Свинцовый Богатырь к Железному, обходительно ему поклонился, о здоровье осведомился, добра-счастья пожелал, тот поласковее стал. Говорят же люди: «Честное слово и буйную голову смиряет». Так они толковали тихо-мирно, пока не зашла речь о том, чтобы побрататься.

Сказал тогда хозяин!

— Вот что, Свинцовый Богатырь, станем мы названными братьями только тогда, когда ты доставишь мне Иляну-Косынзяну, деву-красу, царицу всех трав и цветов, в коse её роза поёт!

Как говорится: назывался груздем — полезай в кузов. Вот так и вышло сейчас у Свинцового Богатыря, некуда ему деваться. Хочешь-нехочешь, а пришлось ему пообещать, что доставит он Иляну-Косынзяну, хотя до того дня он и слыхом о ней не слыхал. Но сейчас стыдно ему было признаваться в этом.

Вот и послал он привезти деву-красу, а Железный Богатырь ему и говорит:

— Только ты хорошенъко запомни, что коли не сдержишь слова молодецкого и не доставишь мне Иляну-Косынзяну, не быть тебе живу, мигом голову с плеч снесу.

Уехал Свинцовский Богатырь в печали и расстройстве, едет-вздыхает, конца-края тяжёлых испытаний не чает.

Вернулся он снова к деду Отшельнику, а тот по лицу молодца сразу увидел, что плохи у него дела. Всё-таки спросил он всё ли обошлось у него или нет.

— Да будь проклят тот час, когда надумал я к Железному злодею съездить, — вздохнул Свинцовский Богатырь, — ведь мог я спокойно жить и без того, чтобы с ним брататься. А теперь поймал он меня в свои сети, принудил обещать бог весть что. Даже не надеюсь, что смогу сдержать своё слово. Потребовал он, чтобы доставил я ему Иляну-Косынзяну, деву-красу, царицу всех трав и цветов, в коse её роза поёт. Я о ней и слыхом не слыхал, а он пригрозил мне голову снести, коли не доставлю.

— Да не падай ты духом! — подбодрил гостя дед Отшельник, — я из многих бед тебя уже выручил, выручу и из этой, только и ты не робей, силу свою не жалей. Перво-наперво сооруди себе кораблик, а на том кораблике поставь лавку с дорогими товарами, самыми редкостными и ценными. А как сделаешь всё это, тотчас же пустись в плавание на кораблике по море-океану восточному. По тому море-океану приплывёшь ты к далёкому берегу, а там высок-дворец стоит, самоцвет-камнем блестит и в нём Иляна-Косынзяна дева-краса живёт. Ты к берегу пристань и лавку открой. Только за покупателями в оба приглядывай, не зевай.

Научил дед Отшельник молодца что делать, как себя там вести, а главное, как с покупателями обходиться.

Взялся Свинцовский Богатырь за дело, кораблик соорудил, товары дорогие накупил, в путь далёкий пустился и до того желанного берега доплыл, хотя путь нелёгкий был, волны-валы морские бушевали, стеной перед ним вставали.

А как добрался, то раскинул на кораблике лавку с товарами редкостными и во всём выполнял наказы деда.

Однажды по утру пришла к берегу красна-девица с двумя вёдрами, чтобы морской воды в них набрать.

Свинцовский Богатырь в тот час вынимал и раскладывал на виду свои товары, как все купцы делают, чтобы народ мог ими полюбоваться.

Увидела девица такие дивные товары, на месте застыла от восхищения, глаз отвести не может. Так засмотрелась, что чуть совсем не забыла — зачем к морю пришла — набрать и принести хозяйке своей Иляне-Косынзяне морскую воду для утреннего купания.

Когда, наконец, вернулась она во дворец с водой, Иляна-Косынзяна спросила служанку почему она так долго не возвращалась.

Та рассказала всё на чистоту: замешкалась потому, что у берега какой-то старенький дед выставил в лавке на корабле такие редкостные и диковинные товары, каких она не видела никогда в жизни.

А старенький дед был не кто иной как Свинцовский Богатырь, который умылся волшебным зельем, что дед Отшельник ему дал, и обратился в деда, да такого старого и сморщенного, похоже Кощя бессмертного.

Услышала Иляна-Косынзяна рассказ служанки и места себе не находит, только и думает как бы ей заполучить эти редкостные диковинки, что серебром серебрились, золотом ярились, драгоценными каменьями переливались. Дала она прислуге двенадцать золотых монет и наказала купить ей в той лавке пару золотых башмачков. Коль хватит денег — пусть сразу же и купит, а коли не хватит — пускай назад придёт и ещё возьмёт.

Прибежала служанка на кораблик и говорит:

— Дедушка, моя хозяйка Иляна-Косынзяна, дева-краса, царица всех трав и цветов, в коse её роза поёт, прислала меня с наказом купить ей пару золотых башмачков, самых пригожих из всех что у тебя есть.

— Продам, доченька, как не продать, — ответил Свинцовский Богатырь, — вот, только... как бы тебе сказать, башмачки эти очень нежный товар и сильно я опасаюсь, как бы невзначай их не попортили. Лучше бы твоя хозяйка соблаговолила сюда самолично пожаловать. Отберёт себе, что ей по душе придётся, со мной потолкует, и в цене мы сойдёмся, может я ей малость уступлю.

Служанка не мешкая побежала к Ильяне-Косынзяне и слово в слово ей всё пересказала.

Чуть спустя Ильяна-Косынзянин, дева-краса, глаз услада на берег пришла, на кораблик взошла, в лавку вошла.

Свинцовский Богатырь усадил её на золотой стульчик, прикинулся, что должен куда-то идти за золотыми башмачками и запер дверь на ключ. Потом быстро зашёл в другую каморку, умыл лицо и волосы волшебным снадобьем и снова стал молодым и пригожим, ещё краше чем раньше.

В тот же миг, когда он запер двери лавки на ключ, кораблик сразу же поплыл, легко покачиваясь по тихому морю, где теперь волн-валов и в помине не было. Ильяна-Косынзянин заметила, что кораблик отплыл от берега, но не очень-то горевала, когда увидела перед собой юного статного богатыря с ясными глазами, в которых огонь-пламя любви горел. Ведь после того, как Свинцовский Богатырь умылся волшебным снадобьем, второго такого красавца на всём свете белом не сыскать было. Подходили он друг к другу, как в песне поётся:

Стать прошу моей женой,
Так похожи мы с тобой,
Блеском глаз из-под бровей,
Словно пара голубей,
И ресницами и взглядом
Как две сизых птицы рядом.

Смирилась Ильяна-Косынзянин, дева-краса со своей долей, но предупредила молодца:

— Коли уж так мне суждено, пусть так и будет, на долгую и счастливую нам жизнь вместе, ежели ты похитил меня для себя. Но ежели увозишь к другому и ему отдашь, пусть бог тебя покарает, когда жизнь тебе всего милее будет.

Плыли они на кораблике, друг на друга налюбоваться не могли, миловались как голубок и горлица.

И всё-таки сдержал Свинцовский Богатырь своё слово и отвёз Ильяну-Косынзянину побратиму, а потом сразу же, даже не попрощавшись, в печали и горе, ускакал к деду Отшельнику. Проклинал он и час своего рождения на белый свет, не только тот миг, когда вздумал к Железному Богатырю пойти.

Вернулся он к деду Отшельнику, и тот, по своему обыкновению, спросил его, была ли ему удача, добился ли он того, что хотел.

А Свинцовского Богатыря такая тоска смертная по Ильяне-Косынзянине гложет, что он и ответить ничего не в силах, стоит будто окаменелый.

Но дед Отшельник и сам знал, о чём тот печалится.

Молчал молодец, молчал, потом снова стал проклинать тот миг, когда надумал с Железным Богатырём встретиться, и сказал:

— Эх, кабы я знал всё заранее, не стал бы умыкать Ильяну-Косынзянину для другого, а только лишь для себя!

Пожалел его дед Отшельник, да не просто пожалел, а решил утешить и выручить — в беде помочь. Вот и сказал он ему:

— И теперь не поздно дело поправить, молодец, только послушайся меня и выполнни всё в точности, как я тебе накажу. Одолеем мы и эту напасть, как и другие многие одолели, но и ты должен будешь не ударить лицом в грязь, показать на что способен. Скачи ты не мешкая к замку Железного Богатыря, он как раз сейчас на охоту собирается, и подучи Ильяну-Косынзянину, чтобы она его спросила где его сила спрятана. Но она должна заранее знать, что когда она первый раз спросит, отвесит ей Железный Богатырь одну пощёчину, второй раз спросит две пощёчины, третий раз — три пощёчины, а уж на четвёртый раз выпытает она у него всю правду без утайки.

Свинцовский Богатырь всё в точности и выполнил.

Когда Железный Богатырь вернулся с охоты, Ильяна-Косынзянин сперва его напоила-накормила, а потом уж спросила, где скрыта его сила. Разгневался богатырь, ударил её по лицу. Прикинулась

Иляна-Косынзяна очень опечаленной, в три ручья заплакала, запричитала:

— За что же так? Ни разу мы не ссорились, не бралились, ничего я от тебя никогда не скрывала, не прятала, а ты даже такую малость не хочешь мне открыть.

Рыдала она и жаловалась, просила и молила, пока по её воле всё и вышло. Как Железный Богатырь ни упрямился и ни отнекивался, а всё одно не устоял. Недаром есть поговорка, что может женщина, то никому не под силу.

Раскрыл Железный Богатырь Иляне-Косынзяне свою тайну.

— Видишь вон ту плётку-трёххвостку? Ежели кто её возьмет и трижды ею на три стороны махнёт, да трижды позовёт: «Гей-гоп, сила Железного Богатыря, где ты?» то сразу же из-под порога появится ларец и в нём три яйца лежат. А в тех яйцах вся моя сила и кто их разобьёт меня изведёт.

Раскрыл он эту тайну и Иляна-Косынзяна тут же с ним помирилась.

А как ушёл он снова на охоту, Свинцовый Богатырь тут как тут. Взмахнул три раза плёткой-трёххвосткой на три стороны и трижды позвал: «Гей-гоп, сила Железного Богатыря, где ты?» Только закончил он звать в третий раз, как из-под порога появился перед ним ларец, сам раскрылся, сам перед ним яйца выложил.

Железный Богатырь услышал оттуда, где он был Щёлканье плётки-трёххвостки и погнал, сломя голову домой, силу свою выручать. Ещё издали крикнул он Свинцовому Богатырю, чтобы тот не разбивал яйца, повременил совсем немного, дал бы ему хоть ещё один шаг сделать. Но добрый молодец уже хлебнул горя со своим побратимом, и потому не стал ждать, а ударил яйца об землю и разбил их вдребезги. В тот же миг Железный Богатырь рассыпался, в прах и пепел обратился.

А Свинцовый Богатырь взял Иляну-Косынзяну, деву-красу, царицу всех трав и цветов, в коse её роза поёт, и поехал с ней к деду Отшельнику. Провели они там в радости и весельи девяносто девять дней и ночей.

На прощанье дед Отшельник щедро одарил их, а они его горячо поблагодарили, в ноги поклонились и домой отправились, к старикам родителям Свинцового Богатыря.

Однажды к вечеру, когда день в ночь превращался добрались они до родного города Свинцового Богатыря и остановились у лачуги его родителей. Но Свинцовый Богатырь не сказал Иляне-Косынзяне, что это его отчий дом. Спешился он, зашёл, поздоровался и попросил хозяев приютить их на ночь.

Удивились дед и баба — чего это вдруг столь знатные путешественники просят ночлега в их убогой лачуге. Стали они всячески отнекиваться: мол, столь важным господам несподручно у них будет, домишко-то мал и тёмен, да и коней некуда поставить. Говорили они то одно, то другое, отказывались по всякому. Но Свинцовый Богатырь так их уговаривал, так упрашивал, что деваться было некуда, и в конце концов старики согласились принять приезжих на ночлег.

Иляна-Косынзяна как вошла в хижину, сразу же легла и уснула как убитая. Очень уж она утомилась в дороге. А Свинцовый Богатырь не лёг, а сел толковать с хозяевами, стал их расспрашивать о том, о сём, выпытывать, как живут они, кто их кормит и поит, почему так случилось, что на старости лет остались они одни-одинёшеньки, и о многом другом.

Дед поведал ему, что работают они с бабкой то на одного барина, то на другого, тем и добывают себе пропитание и что были у них три сына. Двоих старших живы и поныне, но стали они царями и знать не хотят о своих родителях. А о третьем сыне ничего никому неведомо: жив ли он или нет, потому что «уж целый век как нет от него никаких весточек», — закончил, горько вздыхая старик.

Слушал его Свинцовый Богатырь, слушал и нет-нет слеза на глаза навёртывалась, хоть и сдерживался он изо всех сил. Ещё хорошо, что лучина мало света давала и ничего приметить нельзя было.

А затем дед рассказал всю историю о том, как у Багрян-царя змеи похитили солнце, луну и звёзды, как его старшие сыновья разыскали их и царю возвратили, а царь отдал им в жёны своих дочерей.

Меж тем старуха ужин состряпала и на стол подала, а уж с каким удовольствием съел его Свинцовый Богатырь и говорить нечего, потому что лучше родной матери никто стряпать не умеет.

Поужинал добрый молодец и пошёл в город прямёхонько к той конюшне, куда медных коней заперли. Накормил и напоил их, а то они голодные стояли с тех самых пор, как старшие братья сюда их завели и начисто о них забыли.

Наелись кони досыта и стали друг другу жаловаться. Конь старшего брата сказал:

— Эх, пришёл бы теперь мой хозяин и сел бы на меня верхом, я тотчас же забросил бы его за облака, чтобы упал он оттуда и разбился насмерть.

Свинцовий Богатырь понял речь коня. Чуть спустя зашёл в конюшню, взнудзил его, вывел во двор и вскочил в седло. Конь не знал, кто на нём сидит, встряхнулся, вскинулся, на дыбы взвился и попытался, как хвалился, забросить молодца за облака. Но ничего у него не вышло. Отвёл его богатырь обратно в конюшню и вывел коня среднего брата. А тот как взметнулся, так и зашвырнул молодца прямо в море-океан. Потом вернулся в конюшню и похвалился остальным, что он сделал.

Но третий конь, тот, на котором на первых порах Свинцовий Богатырь скакал, с укоризной сказал:

— А вдруг человек, который сейчас пришёл, нас накормил и напоил, это наш хозяин, тот самый, что из земли когда-то нас вырыл и снова над нами сжалился? Так ты ему за добро его отплатил? Ежели ты, — повернулся он к коню среднего брата, — до завтрашнего утра не вызволишь его и не привезёшь обратно, я тебя зубами загрызу, копытами затопчу, насмерть забью!

Испугался медный конь и тотчас же бросился на розыски. Избороздил он море-океан вдоль и поперёк, а о Свинцовом Богатыре ни духа, ни слуха. Всюду он его искал, да всё напрасно, пока не повстречался ему царь рыб.

Царь рыб спросил коня, что ему надо.

Тот рассказал всё как было. Велел ему царь рыб подождать немного, пока он сам не узнает. Взял он рог-раковину и трижды подул на три стороны моря-океана. Сразу же приплыли на зов все его подданные, то есть все рыбы. Спросил царь рыбных князей, все ли на лицо? Ответили ему князья, что все приплыли, только одной рыбы ещё нет. Подождали они немного, пока и та рыба не показалась. Плыла она медленно, еле-еле двигалась, так наелась.

Царь сразу понял, что эта рыба проглотила молодца, но виду не подал, а только спросил её почему она замешкалась и вовремя не приплыла.

Рыба ответила, что захворала, мол, и потому не смогла выполнить быстро приказа.

А царь спросил её — не проглотила ли она, часом, земного человека?

Рыба ответила, что нет, не глотала.

Разгневался царь и повелел разорвать ту рыбку на куски.

Испугалась рыба, поняла, что с ней не шутки шутят, повинилась, и пообещала выплюнуть доброго молодца живым и невредимым, ещё краше чем он раньше был. Так она и сделала, а Свинцовий Богатырь поблагодарил царя рыб, сел на коня, выбрался на берег и поскакал в царский дворец.

Во дворец пошёл он прямёхонько к своим старшим братьям, поднял их со сна и строго спросил: почему они так нехорошо обошлись со стариками родителями и с медными конями, которые из всех бед их выручали. Братья, в своё оправдание, всякие небылицы стали выдумывать.

Тогда, чтобы доказать правду, вывел Свинцовий Богатырь братьев во двор, поставил по правую руку от себя и сказал:

— Пусть бог сейчас рассудит кто из нас прав, а кто виноват, и виновного тут же покарает.

Эти слова он сказал и свой меч высоко в поднебесье послал, а как меч обратно упал, в обоих старших братьев попал и надвое распластал. Свинцовий Богатырь тотчас же их похоронил, пока ещё не рассвело.

Потом привёл он Ильяну-Косынзяну, деву-красу, царицу всех трав и цветов в царский дворец, да и своих старииков родителей уговорил туда перебраться, хотя очень им не хотелось свою тёмную лачугу покидать.

Свинцовий Богатырь и Ильяна-Косынзяна сыграли затем весёлую свадьбу, и все радовались: и люди, и звери, и даже листва на деревьях, из-за того что правда победила.

Может статься, что Свинцовий Богатырь и Ильяна-Косынзяна и сейчас живут, не тужат, невзгод-горя не знают.

А я палку оседлал и всё как мог вам рассказал.

А тот, кто лучше сказку знает, от нас её пусть не скрывает.

Молодость без старости и жизнь без смерти

Перевод Н. Анисимовой

Жили-были когда-то царь и царица. Ежели бы не жили, то и сказки бы этой не было. А было это в те годы, когда росли на тополе груши, а на раките — фиалки; когда медведи хвостами дрались; когда волки с ягнятами братались, обнимались-целовались; когда на подкову блохе уходило девяносто девять ока железа и прыгала блоха в небесную высоту да приносила нам оттуда сказки; когда писала муха на стене... Тот врать мастак, кто не поверил, что это так.

Жили-были великий царь и царица, молодые и красивые, но детей у них не было. Много раз обращались они к знахарям и лекарям, да всё напрасно. Сколько они ходили по всяким звездочётам, просили их узнать по звёздам, будут ли у них дети, а детей всё нет как нет.

Наконец прослыпал царь, что живёт неподалёку в одной деревне старик знахарь, и послал за ним. Но старик ответил гонцам, что, если он кому нужен, пусть тот сам к нему придёт. Собрались тогда в дорогу царь с царицей и вместе с боярами, солдатами и слугами отправились к старику в деревню. Старик, как только их увидел, тотчас вышел им навстречу и сказал:

— Добро пожаловать! Только зря ты, твоё величество, ко мне пожаловал. Исполнение желания твоего принесёт тебе одно лишь горе.

— Не твоя это печаль, — сказал царь. — А коли есть у тебя такое зелье, чтоб у нас дети родились, дай мне его.

— Есть у меня такое зелье, но родится у вас только один сын — Фэт-Фрумос,¹ и красив он будет, и всем хорош, и жалостлив — да не про вас.

Взяли царь с царицей зелье и радостные вернулись во дворец. Вскоре царица понесла; Всё царство, весь двор царский и все сановники, узнав об этом, возликовали.

Не пришло ещё время царевичу родиться, а он уж стал в утробе матери плакать, и ни один лекарь не мог его успокоить. Отец обещает сыну все блага земные, а тот всё плачет-заливается.

— Успокойся, мой дорогой, — говорит царь, — подарю я тебе любое царство; замолчи, сынок, дам я тебе в жёны любую царевну.

Обещает он ему и то, и сё, и всякую всячину. Наконец, когда увидел царь, что ничем его не утешить, говорит:

— Замолчи, дитя моё, дам я тебе молодость без старости и жизнь без смерти.

Тут мальчик перестал плакать и родился. Ударили слуги в литавры и затрубили в трубы, и ликовало всё царство целую неделю.

Чем больше рос мальчик, тем умнее и отважнее он становился. Ходил он в школу и к философам; над чем другие дети год бились, он с тем за один месяцправлялся. Царь не мог на сына нарадоваться. Да и все в царстве радовались тому, что будет у них государь такой же умный и учёный, как царь Соломон. Вдруг, неизвестно почему, стал мальчик грустить, сделался он задумчив и печален. И вот в тот самый день, как исполнилось ему пятнадцать лет, когда царь пировал за столом со своими боярами и сановниками, поднимается Фэт-Фрумос со своего места и говорит:

— Батюшка, настало время дать мне то, что обещал ты ещё при моём рождении.

Опечалился царь, услыхав такие его слова, и говорит:

— Да как же, сынок, могу я сдержать такое неслыханное обещание? Ежели я тебе и обещал, так лишь затем, чтобы тебя успокоить.

— Коли ты, отец, не можешь мне дать молодость без старости и жизнь без смерти, пойду я скитаться по свету, пока не добуду того, ради чего на свет появился.

Бояре и царь пали перед Фэт-Фрумосом на колени и стали упрашивать его не покидать страну. Говорят ему бояре:

— Отец твой уже стар, скоро мы возведём тебя на трон и дадим тебе в жёны самую красивую девушку на свете.

Но ничто не могло заставить Фэт-Фрумоса отказаться от своего решения. Он был твёрд как камень и стоял на своём. Увидел царь его упорство, согласился и стал собирать ему в дорогу припасы разные и всё, что требуется.

Пошёл Фэт-Фрумос на конный двор, где стояли самые лучшие в царстве кони, чтобы выбрать

¹ Прекрасный Молодец — герой многих румынских сказок.

себе коня по душе. Но только царевич руку на коня положит и за хвост его схватит, тот с ног валится. Один за другим все кони у него и попадали. Наконец, когда уж собрался Фэт-Фрумос выходить, окинул он ещё раз конюшню взглядом и заметил в одном углу запаршивевшего, в болячках, ледащего коняку. Подошёл он к нему и как только схватил за хвост, обернулся конь и говорит:

— Чего тебе надо, хозяин? Слава господу, помог он мне дожить до того дня, когда прикоснулась ко мне рука богатырская.

Вздыбился конь и стал как свечка.

Рассказал тут ему Фэт-Фрумос, что он задумал, а конь ему в ответ:

— Чтобы исполнилось твоё желание, попроси у отца саблю, копьё, лук, колчан со стрелами и ту одежду, что носил он, когда был молодым; и ещё ухаживай за мной сам шесть недель и корми меня овсом, а овёс на молоке вари.

Попросил Фэт-Фрумос у отца, что ему конь велел, и приказал царь управляющему открыть все сундуки, чтобы мог царевич выбрать всё, что ему понравится. Три дня и три ночи рылся Фэт-Фрумос в сундуках и наконец нашёл на дне одного из них старое ржавое оружие и одежду, ту, что носил его отец, когда был молодым. Принялся Фэт-Фрумос очищать от ржавчины старое отцовское оружие, и через шесть недель заблестело оно как зеркало. За конём он тоже ухаживал, как тот ему наказал. Нелёгкая была работа, но он со всем управился.

Как сказал Фэт-Фрумос коню, что оружие и одежда начищены и блестят словно новые, конь тут же встряхнулся, вся парша и болячки с него сошли, и стал он таким, каким уродился: крепкий, статный, на спине четыре крыла. Увидел Фэт-Фрумос, как его конь преобразился и говорит ему:

— Через три дня и в путь отправимся.

— Да по мне хоть сейчас, хозяин, — отвечает ему конь. — Только прикажи.

Через три дня весь двор и всё царство поверглись в глубокую печаль. Надел Фэт-Фрумос доспехи богатырские, взял в руку саблю острую, вскочил на того коня, которого сам себе выбрал, и стал прощаться с царём, царицей, со всеми боярами, большими и малыми, с воинами и со всеми дворцовыми слугами. Все они слёзно его упрашивали не уезжать, чтобы не приключилось с ним чего худого по дороге, чтобы не сложил он где-нибудь свою голову. Но Фэт-Фрумос только коня пришпорил и вылетел из ворот, как ветер. А за ним следом поехали возы с припасами и деньгами да сотни две воинов; их дал ему отец в провожатые.

Как выехал Фэт-Фрумос из царства своего отца и доехал до пустыни, роздал он всё добро воинам и, попрощавшись с ними, отправил их назад. Себе он оставил припасов ровно столько, сколько смог увезти его конь. Направил царевич коня на восток и через три дня и три ночи доехал до большого поля, усеянного человеческими костями.

Остановился он здесь отдохнуть, а конь ему и говорит:

— Знай, хозяин, что заехали мы во владения ведьмы Геонаи, а она такая свирепая, что ещё ни один человек, который попадал сюда, не возвращался назад живым. Была она раньше как и все женщины, но прокляли её родители за то, что никогда она их не слушалась и вечно огорчала. Вот и превратилась она в ведьму. Сейчас она дома со своими детьми, но завтра мы встретимся с ней вон в том лесу. Прилетит она, чтобы тебя убить. Правда, страшна она, да ты не бойся, держи только лук наготове да саблю и копьё под руками — пригодятся.

Легли они спать, но попеременно на часах стояли.

На следующий день на рассвете собрались они ехать через лес. Фэт-Фрумос взнуздал и оседлал коня, подтянул потуже подпруги, и тронулись они в путь. Вдруг слышат страшный грохот. Конь и говорит:

— Приготовься, хозяин, это ведьма приближается.

Ну и неслась же она, братцы, на пути её деревья валились, так она мчалась. Но конь взвился над ведьмой как вихрь. Фэт-Фрумос пустил стрелу и попал ей в ногу, нога и отвалилась. Приготовился он во второй раз стрелять, но ведьма закричала:

— Погоди, Фэт-Фрумос, я тебе ничего худого не сделаю.

А как увидела, что он ей не верит, расписалась в том своей кровью.

— Если бы не твой конь, — сказала Фэт-Фрумосу ведьма, — пришёл бы тебе конец, а так ты сам меня чуть не убил. Знай, что до сей поры ни один смертный не смел вступать в мои владения. Те же безумные, кто осмеливался, доходили лишь до того поля, где ты видел человеческие кости.

Направились они к дому ведьмы. И надо было видеть, как она Фэт-Фрумоса за стол сажала, как